

Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горномарийском языке

Ирина Андреевна Хомченкова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва);
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; irina.khomchenkova@yandex.ru

Данная статья посвящена описанию дискурсивных функций посессивного показателя 3 л. ед. ч. в горномарийском языке. Во многих более ранних работах указывалось, что показатели POSS.3SG в уральских языках выражают семантику определенности; для марийских и пермских языков отдельно отмечались контрастивные употребления. Действительно, в горномарийском этот показатель маркирует в первую очередь контраст (выбор из множества), а не определенность. Его употребление зависит от информационной структуры высказывания. Он может маркировать топик, а также имеет контрастивное употребление — и в топике, и в фокусе. Данное употребление типично в референтных ИГ, но маркирование посессивным показателем возможно и в нереферентных ИГ, если данная ИГ употребляется в контрастном топике или, реже, в контрастном фокусе. В контекстах определенности по Дж. Хокинзу (прямая анафорическая отсылка, ассоциативная анафорическая отсылка, непосредственный ситуационный контекст, широкий ситуационный контекст) он допустим только в (контрастном) топике, но не в фокусе. Влияние информационной структуры высказывания не зафиксировано лишь в контексте выбора из множества. Именно идея выбора из множества объединяет функции показателя POSS.3SG в дискурсивном употреблении. На уровне ИГ это собственно выбор референта из множества участников. Контрастные топик и фокус также анализируются как выбор из множества альтернатив. При смене топика аналогично происходит выбор топика из множества возможных вариантов в дискурсе, активированных в сознании говорящего и слушающего, а при маркировании протагониста выбор происходит из множества всех протагонистов, действующих в различных фрагментах дискурса. Тем самым, один и тот же показатель кодирует в горномарийском языке схожую семантику на уровнях ИГ, локальной и глобальной структуры дискурса.

Ключевые слова: посессивность, определенность, информационная структура, топик, контрастивность, дискурс, финно-угорские языки, горномарийский язык

DISCOURSE FUNCTIONS OF THE 3RD SINGULAR POSSESSIVE MARKER IN HILL MARI

Irina A. Khomchenkova, Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Moscow);
Lomonosov Moscow State University; irina.khomchenkova@yandex.ru

This paper describes the discourse functions of the 3rd singular possessive marker in Hill Mari. Many previous works indicated that POSS.3SG markers in the Uralic languages express the semantics of definiteness; contrastive uses were also mentioned for Mari and Permic languages. Indeed, in Hill Mari, POSS.3SG primarily marks contrast (selection from a set) rather than definiteness. The acceptability of this marker depends on the status of NPs in the information structure. It can mark a topic, and it also has a contrastive use — both in topic and in focus. This use is typical of specific NPs. However, if this NP is a contrastive topic or, less often, a contrastive focus, the possessive marker is also possible in non-specific NPs. Using Hawkins' terms: in definite contexts (anaphoric use, associative anaphoric use, immediate situation use, larger situation use), it is felicitous only in a (contrastive) topic, but not in focus. The influence of the information structure is only absent in the context of the selection from a set. It is the idea of the selection from a set that unites the functions of the POSS.3SG marker in its discourse uses. At the NP level, this is the choice of a referent from a set of participants. Contrastive topic and focus are also analyzed as a selection from several alternatives. As for the topic shift, a new topic is similarly selected from a variety of possible options in discourse, activated in the minds of the speaker and the hearer, and when marking the protagonist, the choice occurs from the set of all protagonists acting in various fragments of the discourse. Thus, the same marker encodes similar semantics in Hill Mari at the levels of NP, local, and global discourse structure.

Keywords: possessive, definiteness, information structure, topic, contrastiveness, discourse, Finno-Ugric languages, Hill Mari

1. Введение

Посессивные аффиксы в уральских языках¹ могут не только обозначать посессивные отношения (родство, обладание, часть-целое и др.), но и употребляться в контекстах, не предполагающих посессивных прочтений, в частности в ряде дискурсивных функций [Кузнецова 2003; Nikolaeva 2003; Брыкина, Судобина 2005; Simonenko 2014; Janda 2019]. Так, в горномарийском примере (1) показатель POSS.3SG кодирует посессивное отношение ‘часть-целое’, а в (2) не имеет посессивной семантики.

- (1) *tädä-n leväš-äžžä klovoj äl-eš.*
он-GEN покрытие-POSS.3SG синий быть-NPST.3SG
‘Крыша у него синяя’. [Горномарийский корпус²: «Описание фотографий», 2]
- (2) *kol-da-žâ ulâ ma? — man-am. kol-na-žâ uke.*
рыба-POSS.2PL-POSS.3SG имеется что говорить-NPST.1SG рыба-POSS.1PL-POSS.3SG NEG.EX
{«Айдаге, — говорит, — пойдем уху есть»}. ‘«А рыба-то есть?» — спрашиваю. «А рыбы нет?»’.
[ГК: «Один случай», 6—7]

Целью данного исследования является анализ дискурсивных функций показателя POSS.3SG (-žâ/-žâ/-šâ/-šâ)³ в горномарийском языке. В предшествующих работах эта проблема была описана лишь фрагментарно. Дискурсивными функциями обладают и другие посессивные показатели: POSS.1SG (-(e)m), POSS.2SG (-(e)t) [Тужаров 1987: 65—66; Саваткова 2002: 115], POSS.2PL (-da, -dä) [Тужаров 1987: 70], POSS.3PL (-štâ, -štâ) [там же: 71]. Мы ограничимся рассмотрением показателя POSS.3SG.

Материалом для исследования послужил корпус горномарийского языка, а также полевые данные автора, собранные в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Горномарийский район, Республика Марий Эл, Россия) в 2016—2020 гг.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 приводится обзор предыдущих исследований по горномарийскому и другим родственным языкам. В разделе 3 рассматриваются морфосинтаксические свойства показателя POSS.3SG. Раздел 4 посвящен тому, следует ли рассматривать аффикс POSS.3SG как показатель определенности. В разделе 5 обсуждается влияние информационной структуры и референциального статуса на употребление показателя POSS.3SG. В разделе 6 рассматриваются противопоставления на уровне структуры дискурса, связанные с употреблением посессивного аффикса. Раздел 7 суммирует результаты работы.

2. Предыдущие исследования

Во многих предшествующих работах отмечалось, что показатели POSS.3SG в уральских языках выражают семантику определенности, см., например, [Collinder 1955: 203], где эти показатели рассматриваются как эквиваленты определенного артикля. Некоторые исследователи менее категорично отмечали, что уральские посессивные суффиксы обладают детерминативным значением, однако не приравнивали их к артиклям [Tauli 1966: 148; Майтинская 1974: 388; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 187; Csúcs 1990: 42; Fraurud 2001; Nikolaeva 2003; Gerland 2014]. В [Nikolaeva 2003], в частности, утверждается, что показатели POSS.3SG в некоторых уральских языках могут указывать на идентифицируемость (identifiability) референта, но не являются маркерами грамматической категории определенности, поскольку они могут модифицировать не только имена существительные, но и другие части речи, а также являются факультативными⁴. В [Gerland 2014] семантическая эволюция посессивных показателей объясняется с опорой на понятие «реляционный суффикс» (relational suffix). В посессивных контекстах он маркирует

¹ Этот феномен свойственен не только уральским, но и тюркским (см., например, [Schroeder 1999]), австронезийским (см., например, [Buren 2010]), семитским [Ewing 1995] и иранским [Etebari et al. 2020] языкам.

² Горномарийский корпус (далее ГК) был создан коллективом горномарийской экспедиции под рук. Е. В. Кашкина в 2016—2020 гг. и доступен по ссылке: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>.

³ Распределение алломорфов кратко обсуждается в разделе 3. Отметим, что показатель POSS.3SG не связан с русской единицей *же*, несмотря на их внешнее сходство, — как минимум потому, что после этого показателя возможны падежные аффиксы, см. раздел 3. Более того, единица *же* полифункциональна (см., например, [Падучева 2018: 333—352]), и многие ее функции не соответствуют сфере употребления показателя POSS.3SG (так, аналогом «*же* тождества» в горномарийском языке является частица *=ok*, см., например, [Кашкин и др. 2018]). Однако детальное сравнение русской единицы *же* и горномарийского показателя POSS.3SG выходит за рамки настоящего исследования.

⁴ О связи идентифицируемости и определенности см., например, [Lyons 1999: 5—7]: определенность ИГ выражается в том, что слушающий может идентифицировать референта этой ИГ. В [Lyons 1999: 275, 278] также отме-

референта, который закреплен (anchored) в дискурсе некоторой конкретной связью (отношение родства, часть-целое, обладание и др.) с другим, уже уникальным, референтом. В непосессивных контекстах он маркирует референта, который закреплен в дискурсе ассоциативной связью (например, через дискурсивную ситуацию) с другим референтом.

Данные лугового марийского языка (а также коми и хантыйского) обсуждаются в [Simonenko 2014] на материале говора с. Старый Торъял. Рассматривая несколько семантических типов определенных ИГ по классификации, предложенной в [Hawkins 1978], А. Симоненко утверждает, что в луговом марийском языке посессивным показателем маркируется только выбор из множества (подробнее об этих контекстах см. раздел 4).

Дискурсивные функции посессивных показателей в марийских языках обсуждаются в [Тужаров 1987: 65—67]. Г. М. Тужаров рассматривает как горную, так и лугово-восточную литературные нормы. Он выделяет ряд функций этих показателей. Например, аффиксы 1-го и 3-го лица (и 2-го лица в горномарийском) образуют формы «вежливого, почтительного, ласкового обращения»; употребляются «с целью привлечь внимание того лица, к которому обращаются». Аффиксы 2-го и 3-го лица «указывают на обилие предметов / продолжительность времени»; «используются в качестве эмфатических и эмоционально-экспрессивных частиц»; «имеют оттенок особой экспрессии»; «выражают обсуждаемый предмет более наглядно, осязаемо и эмоционально». Г. М. Тужаров отдельно рассматривает «эмфатически-выделительное» значение показателя POSS.3SG и утверждает, что оно развилось из употребления POSS.3SG при «контрастных противопоставлениях», что, согласно [Серебренников 1963: 133], распространено и в других языках Волжско-Камского языкового союза: в коми, удмуртском, татарском, чувашском. Контрастивная функция показателя POSS.3SG в марийских и пермских языках обсуждается также в [Nikolaeva 2003].

В [Саваткова 2002: 115] в горномарийском языке выделены только «указательно-выделительное» (для аффиксов 2 и 3 лица) и «вокативное» (для аффиксов 1 и 3 лица) значения аффиксов дискурсивной посессивности.

Таким образом, в предшествующих работах намечено общее направление анализа дискурсивных функций посессивных аффиксов. Часто горномарийские данные не отделяются в этих работах от луговых марийских. Во многих случаях не проводится четкое разграничение функций между разными аффиксами. Кроме того, многие использованные предшествующими авторами ярлыки («выделительность», «указательность» и пр.) нуждаются в уточнении.

3. Морфосинтаксические свойства

Показатель POSS.3SG имеет шесть алломорфов: $-žā/-žā/-āžā/-āžā/-šā/-šā$. Выбор гласных звуков определяется сингармонизмом. Непередний гласный (/ā/) используется только после передних гласных (/a/, /o/, /u/, /ā/). Передний гласный (/ā/) используется после передних гласных (/ä/, /ö/, /ü/, /ä/, /e/, /i⁵/), ср. *xala-škā-žā*⁶ (город-ILL-POSS.3SG) ‘в его город’ и *šārgā-škā-žā* (лес-ILL-POSS.3SG), см. также о гармонии гласных [Alhoniemi 1993: 24; Kangasmaa-Minn 1998: 223; Саваткова 2002: 50].

Дальнейший выбор показателя POSS.3SG зависит от предшествующей ему фонемы. Алломорфы $-žā/-žā$ используются после гласных или сонорных согласных, см., например, *vätā-žā* (женщина-POSS.3SG) ‘его жена’, *mōren-žā* (заяц-POSS.3SG) ‘его заяц’, *lām-žā* (имя-POSS.3SG) ‘его имя’, *tāl-žā* (огонь-POSS.3SG) ‘его огонь’, *jamdar-žā* (бутылка-POSS.3SG) ‘его бутылка’.

Алломорфы $-šā/-šā$ используются после шумных согласных, см., например, *ūp-šā* (волосы-POSS.3SG) ‘его волосы’, *vād-šā* (вода-POSS.3SG) ‘его вода’, *jamak-šā* (сказка-POSS.3SG) ‘его сказка’, *tāng-šā* (основание-POSS.3SG) ‘его основание’, *kōoohārec-šā* (тыква-POSS.3SG) ‘его тыква’, *anzālvāč-šā* (фартук-POSS.3SG) ‘его фартук’, *muš-šā* (кудель-POSS.3SG) ‘его кудель’, *kādež-šā* (комната-POSS.3SG) ‘его комната’.

Алломорфы $-āžā/-āžā$ используются после фонемы /š/: *lašā-āžā* (мука-POSS.3SG) ‘его мука’, *ādārās-āžā* (девочка-POSS.3SG) ‘его девочка’ и др., см. [Саваткова 2002: 109]. Однако алломорфы $-šā/-šā$ в этой позиции тоже возможны, ср. выше *muš-šā* ‘его кудель’, а также оба варианта *māčāš-āžā* и *māčāš-šā* ‘его конец’ в [Alhoniemi 1993: 73]. Кроме того, алломорфы $-āžā/-āžā$ (наряду с алломорфами $-šā/-šā$) встречаются после фонем /c/ и /č/: *kal'avāč-āžā* (косичка-POSS.3SG) ‘его косичка’, *kōlovec-āžā* (колодец-POSS.3SG) ‘его колодец’, *kārāč-āžā* (кирпич-POSS.3SG) ‘его кирпич’ и др.

чено, что семантический/прагматический концепт определенности свойственен всем языкам, однако в большинстве из них соответствующая грамматическая категория отсутствует.

⁵ Передние гласные /e/ и /i/ могут следовать как за передними, так и за непредними гласными (ср. *kādež* ‘комната’ и *mōren* ‘заяц’, *kārtn'i* ‘железо’ и *kot'i* ‘кошка’).

⁶ Словоформы приводятся из горномарийского корпуса.

Показатель POSS.3SG в дискурсивной функции присоединяется к словоформам во всех падежах, и его взаимное расположение с падежными показателями и с показателем числа не отличается от поведения показателя POSS.3SG в собственно посессивном употреблении. В горномарийском языке 10 падежей [Alhoniemi 1993: 46]⁷:

- [ОСНОВНЫЕ]: номинатив (-∅), генитив (-*n*), аккузатив, (-*m*), датив (-*lan*/-*län*)
- [МЕСТНЫЕ]: инессив (-*štä*/-*štä*), иллатив (-*škä*/-*škä*/-*š*), латив (-*eš*)
- [ПЕРИФЕРИЙНЫЕ]: симилятив (-*la*/-*lä*), каритив (-*de*), комитатив (-*ge*).

Аффикс множественного числа (-*vlä*) всегда предшествует падежному показателю, в то время как положение посессивных показателей варьирует в зависимости от падежа (ср. также [Luutonen 1997] о вариативности порядка морфем в марийских языках). Порядок падежных показателей, показателя числа и посессивного показателя 3SG представлен в таблице 1 и проиллюстрирован примерами (3)—(6).

Таблица 1. Порядок показателей числа, падежа и посессивности

Падеж	Порядок аффиксов	Пример
GEN, ACC + периферийные	PL-POSS-CASE	(3)
DAT	PL-POSS-CASE /	(4)
	PL-CASE-POSS	(5)
местные	PL-CASE-POSS	(6)

- (3) *učit'el'-dä-žä-n* *käce läm-žä?*
учитель-POSS.2PL-POSS.3SG-GEN как имя-POSS.3SG
'А как зовут вашего учителя?' [ГК: «Диалог с ребенком», 68]
- (4) *tä laksak-eš mäks-äm olt-em, mäks-län-žä jäl-aš vol'a-m a-m pu*
тот яма-LAT труха-ACC топить-NPST.1SG труха-DAT-POSS.3SG гореть-INF воля-ACC NEG.NPST-1SG давать
'В этой ямке растопил труху, но трухе не даю гореть' [ГК: «Колбаса», 49]
- (5) *kädä-žä-lan pu-en, kädä-žä-lan i to pu-te*
который-POSS.3SG-DAT давать-PRET который-POSS.3SG-DAT и то давать-NEG.PRET
'Кому-то давал, кому-то и то не давал' [ГК: «Плетение сеток», 9]
- (6) *päcketäš käděž-äštä amal-en-ät kängäž veremä-n, a sotä*
темный комната-IN спать-PRET-3PL лето время-GEN а светлый
käděž-äštä-žä opt-en-ät ma šon-äm, tožä, tenge=ok
комната-IN-POSS.3SG класть-PRET-3PL что INDEF2-ACC тоже так=EMPH
'В темной комнате летом спали, а в светлой комнате хранили что-нибудь, тоже так же'. [ГК: «Хозяйство», 17]

Как можно видеть из примера (3), показатель POSS.3SG в дискурсивной функции может присоединяться непосредственно после посессивных показателей, выполняющих собственно посессивную функцию, но не наоборот, ср. *pi-em-žä* (собака-POSS.1SG-POSS.3SG) / *pi-ž-em (собака-POSS.3SG-POSS.1SG) 'моя собака-то', *pi-dä-žä* (собака-POSS.2PL-POSS.3SG) / *pi-žä-dä (собака-POSS.3SG-POSS.2PL) 'ваша собака-то'.

Показатель POSS.3SG, используемый в дискурсивной функции, не сочетается с другими посессивными показателями 3-го лица, ср. **ät'ä-žä-žä* (отец-POSS.3SG-POSS.3SG) 'его отец-то', **ät'ä-štä-žä* (отец-POSS.3PL-POSS.3SG) 'их отец-то'.

Зафиксировано также употребление трех посессивных аффиксов в одной словоформе (7). В этом случае дискурсивную функцию выполняет сочетание аффиксов POSS.2SG-POSS.3SG. Оно проявляет иные свойства, нежели единичный показатель POSS.3SG. Например, оно может следовать за посессивными показателями 3-го лица: *ät'ä-ž-et-šä* (отец-POSS.3SG-POSS.2SG-POSS.3SG) 'его отец-то', *ät'ä-št-et-šä* (отец-POSS.3PL-POSS.2SG-POSS.3SG) 'их отец-то'.

- (7) *üt'ü-m-et-šä ma šongä äl-än vet*
отец-POSS.1SG-POSS.2SG-POSS.3SG что старый быть-PRET ведь
'Отец-то мой старый был ведь'. [ГК: «Праздники», 115]

⁷ В [Саваткова 2002: 93] указано, что в горномарийском 11 падежей, однако в исследуемых нами говорах отсутствует «причинный» падеж на *-lanen*/-*länen*.

Присоединяясь к ИГ, показатель POSS.3SG маркирует вершину группы, но не ее зависимое, см. примеры с прилагательным (8), указательным местоимением (9), генитивным зависимым (10).

- (8) *män' šokšâ lem-žă-m / *šokšâ-žă lem-äm jarat-em,*
я горячий суп-POSS.3SG-ACC горячий-POSS.3SG суп-ACC любить-NPST.1SG
a üštâ-žă-m agâl.
а холодный-POSS.3SG-ACC NEG
'Горячий суп я люблю, а холодный — нет'.
- (9) *ti olma-žă-m / *ti-žă olma-m män' kačk-am,*
этот яблоко-POSS.3SG-ACC этот-POSS.3SG яблоко-ACC я есть-NPST.1SG
a tädä-žă-m kod-em.
а он-POSS.3SG-ACC оставлять-NPST.1SG
'Это яблоко я съем, а то оставлю'.
- (10) *täm-dä-n pi-dä-žă-m / *täm-dä-n-žă*
вы-POSS.2PL-GEN собака-POSS.2PL-POSS.3SG-ACC вы-POSS.2PL-GEN-POSS.3SG
pi-dä-m män' jarat-em, a vas'a-n-žă-m agâl
собака-POSS.2PL-ACC я любить-NPST.1SG а Вася-GEN-POSS.3SG-ACC NEG
'Вашу собаку я люблю, а Васину нет'.

Показатель POSS.3SG является транскатегориальным. Он может модифицировать не только ИГ с вершинным существительным (см. (10) и примеры выше), но и местоимения-существительные (11), прилагательные в предикативной позиции (12), глаголы в финитных (13) и нефинитных формах (14)⁸, наречия (15). Ни в одном контексте употребление аффикса POSS.3SG не обязательно.

- (11) *p'atačok, tñn'-žă xâna-em li-ät, a män'-žă xoza âl-am=âš.*
Пятачок ты-POSS.3SG гость-POSS.1SG становится-NPST.2SG а я-POSS.3SG хозяин быть-NPST.1SG=PTCL
'Пятачок, ты-то будешь моим гостем, а я-то буду хозяином'. [ГК: «Пересказ мультфильма о Винни-Пухе», 17]
- (12) *kat'a âš-an(-žă), maša cever(-žă).*
Катя ум-PROP-POSS.3SG Маша красивый-POSS.3SG
'Катя умная, а Маша красивая'.
- (13) *kâ-štâ âl-en-dä-žă?*
который-IN жить-PRET-2PL-POSS.3SG
'Где жили [собеседник и его современники во время войны]?' [ГК: «В старину», 26]
- (14) *xâna-l-aš-âžă kâ-škâ kašt-ân-at?*
гость-DENOM-INF-POSS.3SG который-ILL ходить-PRET-2SG
'А в гости куда ездил?' [ГК: «Диалог с ребенком», 4]
- (15) *käzät vele sola-vlä-štâ každâj toma-št=ok âškal uke,*
сейчас только деревня-PL-IN каждый дом-IN=EMPH корова NEG.EX
pervi-žă každâj toma-št=ok âškal-vlä âl-ân-ât.
прежде-POSS.3SG каждый дом-IN=EMPH корова-PL быть-PRET-3PL
'Только сейчас в деревнях не в каждом доме есть корова, раньше в каждом доме были коровы'. [ГК: «Вареники», 2]

Таким образом, дискурсивное употребление посессивных аффиксов не ограничивается оформлением существительного (вершины ИГ), а распространяется и на маркирование слов других частей речи.

4. POSS.3SG — показатель определенности?

В данном разделе мы обсудим, является ли POSS.3SG показателем определенности. Такая гипотеза предлагалась многими исследователями, изучавшими посессивные показатели в уральских языках (см. раздел 2). Для этого мы рассмотрим возможность модификации показателем POSS.3SG определенных ИГ.

⁸ Возможность присоединения посессивных показателей к инфинитивам и к личным формам глагола в луговом марийском языке отмечена также в [Андреева 2009].

Как показано в [Lyons 1999: 158—159], определенные ИГ неоднородны. Так, ИГ могут приобретать определенность в анафорических (референт определенной ИГ задан в предыдущем отрывке дискурса) и «ситуационных» контекстах (референт определенной ИГ не задан текстуально, а понятен из ситуации). В некоторых языках существуют отдельные артикли для этих типов определенности, либо маркируется только один из них. Мы рассмотрим более дробную классификацию типов определенности, выделенных в [Hawkins 1978]:

- прямая анафорическая отсылка: *I looked at a dog. The dog started barking* ‘Я посмотрела на собаку. Собака залаяла’
- ассоциативная анафорическая отсылка: *I was walking near a university. The rector waved at me* ‘Я проходила мимо университета. Ректор помахал мне рукой’
- непосредственный ситуационный контекст: (в комнате) *Close the door!* ‘Закрой дверь!’
- широкий ситуационный контекст: (в солнечной системе) *the Sun* ‘Солнце’.

Эти контексты определенности были также использованы в [Simonenko 2014], но с некоторыми модификациями. А. Симоненко не рассматривает ассоциативную анафорическую отсылку, но добавляет контекст выбора из множества. Она не объясняет свой выбор, а лишь упоминает, что неточно следует классификации определенных контекстов Дж. Хокинза. Что касается контекста выбора из множества, Дж. Хокинз утверждает, что во всех упомянутых им типах определенности происходит выбор референта из общего множества (shared set). Определенный артикль каузирует слушающего предположить, какое общее множество подразумевается (предыдущий дискурс, непосредственная или широкая ситуация, ассоциативное множество), и определить местонахождение (locate) референта в этом множестве. Мы, вслед за А. Симоненко, также рассмотрим контекст выбора из множества, однако не будем отказываться от контекста ассоциативной анафорической отсылки.

А. Симоненко отмечала, что показатель POSS.3SG в луговом марийском маркирует выбор из множества, но не локальную и глобальную уникальность и не анафорическую отсылку. Наши данные демонстрируют более сложную картину: модификация показателем POSS.3SG возможна во всех рассматриваемых контекстах, однако лицензирование этого показателя происходит не из-за этих контекстов per se (за исключением контекста выбора из множества), а из-за некоторых информационно-структурных особенностей рассматривавшихся предложений.

Так, в примере (16) с прямой анафорической отсылкой посессивное маркирование ИГ *pi* ‘собака’ крайне нежелательно, в то время как в (17) оно не отвергается носителями.

- (16) *nänä lüd-än koltâ-del-ât, liš-kâ-räk mi-en-ät,*
они бояться-CVB посылать-NEG.PRET-3PL ближнее_пространство-ILL2-CMPR приходить-PRET-3PL
pi-m / ?? pi-žâ-m vuj-žâ gâc-än niält-en-ät.
собака-ACC собака-POSS.3SG-ACC голова-POSS.3SG EL-FULL гладить-PRET-3PL
{Иван и Маша увидели в лесу какую-то собаку.} ‘Они не испугались, подошли поближе, погладили собаку по голове’.
- (17) *ivan don maša šärgâ-štä tä-maxan' pi-m už-än-ât.*
Иван и Маша лес-IN INDEF-какой собака-ACC видеть-PRET-3PL
nänä lüd-än koltâ-del-ât dä pa-kâ-la ke-n-ät,
они бояться-CVB посылать-NEG.PRET-3PL и даль-ILL2-SIM идти-PRET-3PL
a pi(-žâ) ârl-aš tängäl-än dä vaštareš-äštä kâdal-Ø tärvän-en.
а собака-POSS.3SG рычать-INF начинать-PRET и против-POSS.3PL бежать-CVB сдвигаться-PRET
{Иван и Маша увидели в лесу какую-то собаку. Они не испугались и пошли дальше, а собака зарычала и побежала к ним навстречу’.

В примерах с ассоциативной анафорической отсылкой дело тоже обстоит двояким образом: посессивное маркирование невозможно в (18), но возможно в (19).

- (18) *pel m'inut-âštâ tädä tä-šec-än läkt-än dä amasa-m / *amasa-žâ-m pitär-en.*
половина минута-IN он тот-EL-FULL выходить-PRET и дверь-ACC дверь-POSS.3SG-ACC закрывать-PRET
{Вася зашел в комнату Маши и Даши.} ‘Через полминуты он оттуда вышел и закрыл дверь’.
- (19) *vas'a maša don daša-n kâdež-äškâ-štä pâr-en. pel*
Вася Маша и Даша-GEN комната-ILL-POSS.3PL входить-PRET половина
m'inut-âštâ tädä tä-šec-än läkt-än, a amasa(-žâ)-m čüč-äš mond-en
минута-IN он тот-EL-FULL выходить-PRET а дверь-POSS.3SG-ACC закрывать-INF забывать-PRET
{Вася зашел в комнату Маши и Даши. Через полминуты он оттуда вышел, а дверь закрыть забыл’.

В предложениях с непосредственным ситуационным контекстом также допустимы оба варианта, ср. примеры (20) с невозможностью маркировать ИГ посессивным показателем и (21), в котором маркирование этим показателем возможно.

(20) *amasa-m* / *amasa-žâ-m   *čüč-∅*.
дверь-ACC   дверь-POSS.3SG-ACC   закрывать-IMP
'Закрой дверь!'

(21) *pet'a kâdež-em*   *găc läkt-eš*,   *a măn'ă man-am*:   «*amasa-žâ-m*   *čüč-ămä-∅*».
Петя комната-POSS.1SG EL   выходить-NPST.3SG а я   говорить-NPST.1SG   дверь-POSS.3SG-ACC   закрывать-POL2-IMP
'Петя выходит из моей комнаты, а я говорю: «Дверь-то закрой»'.

В предложениях с широким ситуационным контекстом маркирование тоже вариативно. Так, в (22) ИГ *kečă* 'солнце' не может присоединять показатель POSS.3SG, а в (23) может.

(22) *măn'ă tor-c-ân-na*   *pozda-n*   *läkt-ăn-ăm*,   *no kečă-m* /
я   дом-EL-FULL-POSS.1PL   поздний-ADV   выходить-PRET-1SG   но солнце-ACC
*kečă-žă-m   *už-ăn-am*.
солнце-POSS.3SG-ACC   видеть-PRET-1SG
'Я вышла из дома поздно, но увидела солнце'.

(23) *măn'ă tor-c-ân-na*   *läkt-ăn-ăm*,   *a kečă(-žă)*   *uže šănz-ăn=ăt*   *pospe-jen*.
я   дом-EL-FULL-POSS.1PL   выходить-PRET-1SG а солнце-POSS.3SG   уже сидеть-CVB=ADD   успевать-PRET
'Я вышла из дома, а солнце уже успело сесть'.

Исключение составляет лишь проиллюстрированный в (24) контекст выбора из множества, который будет также рассматриваться далее. Ограничений на его маркирование, подобных представленным выше, обнаружено не было.

(24) *pet'a tol-ân*   *dă lu*   *kanf'et-ăm* / *kanf'et-šă-m*   *kačk-ân kolt-en*.
Петя приходить-PRET и   десять конфета-ACC   конфета-POSS.3SG-ACC   есть-CVB   посылать-PRET
{Я купила много конфет и положила их на стол} 'Пришел Петя и съел десять конфет'.

Маркирование выбора из множества с помощью показателя POSS.3SG в горномарийском языке может продемонстрировать также с помощью следующих примеров. Он входит в состав лексемы *šukăžă*, обозначающей в (25) большинство объектов из некоторой совокупности.

(25) *mar-la kn'igă-vlä tol-ăt*,   *no šukă-žă*   *alăk mar-la-vlä*.
мари-SIM книга-PL   приходить-NPST.3PL   но много-POSS.3SG   луг   мари-SIM-PL
'Книги на марийском поступают, но большинство на луговом марийском'. [ГК: «Библиотека», 8]

Лексема *kănamžă* 'иногда' (26) образована с помощью местоименного наречия *kănam* 'когда' и показателя POSS.3SG: выбор из множества временных отрезков, маркированный показателем POSS.3SG, закреплен на лексическом уровне (см. словарь [Саваткова 2008: 116]).

(26) *kănam-žă*   *sous-ăm*   *opt-alal-am*,   *lem-ăškă pišt-em*.
когда-POSS.3SG   соус-ACC   класть-ATT-NPST.1SG   суп-ILL   класть-NPST.1SG
'Иногда соус положу, в суп положу'. [ГК: «Правильное питание», 233]

Показателем POSS.3SG может маркироваться слово *ta* 'что', когда говорящий пытается подобрать нужное слово (27). Данное слово представляет собой один из видов заполненной паузы hesitation [Podlesskaya 2010: 13], а именно маркер препаративной подстановки по [Подлеская, Коротаев 2009].

(27) *ma-žă-m*,   *tăgăr-vlä-m*   *či-kt-ăt*   *vet*.
что-POSS.3SG-ACC   рубашка-PL-ACC   надеть-CAUS.DIST-NPST.3PL   ведь
'Что, рубашки дарят ведь'. [ГК: «Праздники», 140]

Показатель POSS.3SG употребляется также в контекстах лексического выбора — он может маркировать русское слово, когда говорящий пытается подобрать его марийское соответствие (28). Такие слова не адаптированы фонологически, однако среди них встречаются спрягаемые формы глаголов с горномарийскими словоизменительными аффиксами (29), примеры же с русским словоизменением в корпусе не встретились. Во всех этих контекстах говорящий вставляет «инородный элемент» в речь и параллельно осуществляет поиск нужного, исконного элемента.

- (28) *vošt'-šâ*   *vot kâce mar-la li-eš*   *vot ä?*
 вождь-POSS.3SG вот как мари-SIM становится-NPST.3SG вот а
 'Вождь-то вот как по-марийски будет вот, а?' [ГК: «Акпарс», 3]
- (29) *osvoboždaj-en-ät-šâ*   *kâce li-eš*   *mar-la-žâ?*
 освободить-PRET-3PL-POSS.3SG как становится-NPST.3SG мари-SIM-POSS.3SG
 'Как будет «освободили» по-марийски?' [ГК: «Акпарс», 19]

Как видно из (29), при поиске нужного слова посессивным показателем может маркироваться и само название языка. Говорящий осознает, что произнесенное им слово принадлежит не горномарийскому языку, на котором он хотел его произнести, а русскому, и противопоставляет эти языки (ср. аналогичную конструкцию с частицей *-to* в русском языке: как *по-марийски-то* это слово будет, а не по-русски). В неконтрастивных контекстах названия языков остаются немаркированными (30). Подробнее о переключении кодов как контексте контрастивности см. [Плешак, Хомченкова 2019].

- (30) *tän'ä mar-la a-t mâštâ man-aš.*
 ты мари-SIM NEG.NPST-2SG уметь говорить-INF
 'Ты не умеешь по-марийски говорить'. [ГК: «Диалог (эксперимент) — 1», 407]

Таким образом, можно предположить, что ключевой функцией показателя POSS.3SG является выбор из множества, а не маркирование определенности, поскольку в прочих контекстах (прямая анафорическая отсылка, ассоциативная анафорическая отсылка, непосредственный ситуационный контекст, широкий ситуационный контекст) его приемлемость зависит от некоторых информационно-структурных характеристик высказывания. Мы рассмотрим влияние информационной структуры и референциального статуса в разделе 5. В разделе 6 мы подробнее обсудим семантику показателя POSS.3SG на корпусном материале.

5. Референциальный статус и информационная структура

В разделе 4 на примере определенных ИГ мы показали, что POSS.3SG нельзя рассматривать как показатель определенности. Однако, поскольку предшествующие авторы тем или иным образом связывали его употребление с референциальными характеристиками ИГ, в этом разделе мы рассмотрим, нет ли корреляции между допустимостью показателя POSS.3SG и референциальным статусом. Мы также предположили, что на его употребление могут накладываться ограничения информационно-структурные характеристики высказывания. Зависимость употребления посессивных аффиксов от информационной структуры обсуждалась, например, в [Кашкин, Панкова 2011] для ижемского диалекта коми языка, в [Janda 2015, 2019] для обско-угорских языков, см. также [Сердобольская, Толдова 2012] о взаимодействии факторов референциального статуса и информационной структуры при дифференцированном маркировании прямого объекта в финно-угорских языках⁹.

Мы принимаем за основу классификацию референциальных статусов, предложенную в [Givón 1978, 1984]. Т. Гивон проводит различие между референтным определенным (definite), референтным неопределенным (referential indefinite), нереферентным неопределенным (non-referential indefinite) и генерическим статусами (generic), ср. (31a—г) соответственно.

- (31) а. *The bear is walking back and forth in his cage.*
 'Медведь ходит туда-сюда по своей клетке'.
 б. *There is a bear in your apartment.*
 'В твоей квартире какой-то медведь'.
 в. *Draw a bear on this page.*
 'Нарисуй на этой странице медведя'.
 г. *The bear is a very dangerous animal.*
 'Медведь — это очень опасное животное'.

⁹ В некоторых работах отмечается, что на посессивное маркирование может влиять структурная позиция ИГ (см., например, [Кашкин 2008] об ижемском диалекте коми-зырянского языка). Согласно нашим предварительным наблюдениям, в горномарийском языке нет связи между структурной позицией и маркированием показателем POSS.3SG, поэтому в текущей работе мы анализировали ИГ только в позиции подлежащего, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Все эти типы образуют шкалу референциальных статусов¹⁰ (см. рис. 1).

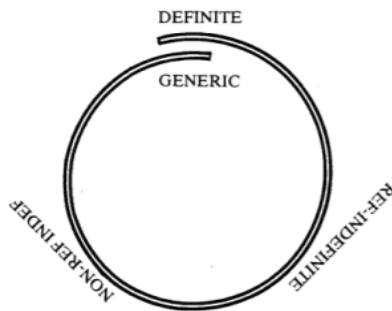

Рис. 1. Шкала референциальных статусов [Givón 1984: 407]

Информационная структура связана с «упаковкой» информации в предложении, которая помогает управлять потоком информации между говорящим и слушающим, см., например, [Chafe 1976]. Различные исследователи выделяют различные категории при изучении информационной структуры — например, тему и рему [Янко 1994, 2008] (theme-rheme, [Halliday 1967]), топик и фокус (topic-focus, [Lambrecht 1994]), топик и комментарий (topic-comment, [Reinhart 1982]), фокус и фон (focus-background, [Chafe 1976]), фокус, «связь» и «хвост» (focus, link, tail, [Vallduví 1992]).

В данной главе мы используем понятия топика и фокуса вслед за [Lambrecht 1994]. Топик — это то, о чем говорится в предложении. Фокус — это то, что сообщается о топике. Мы также используем понятие контраста, считая его ортогональным к категориям топика и фокуса (см., например, [Molnár 2006; Янко 2008: 23]). При контрастном топике и фокусе существуют альтернативы, из которых осуществляется выбор¹¹; см., в частности, определение из [Тестелец 2001: 458]: «Контрастивностью, или контрастивным выделением, называется коммуникативная категория, обозначающая выбор с противопоставлением из нескольких элементов небольшого множества, состав которого известен говорящему и адресату».

Итак, мы рассматриваем четыре референциальных статуса (определенный, референтный неопределенный, нереферентный неопределенный, генерический) и четыре категории информационной структуры (топик, фокус, контрастный топик, контрастный фокус). Опишем возможность употребления показателя POSS.3SG в зависимости от этих категорий.

5.1. Референтные определенные ИГ

Референтные определенные ИГ (см. также примеры в разделе 4) могут модифицироваться показателем POSS.3SG в топике¹² (32), а в фокусе этот показатель менее допустим (33). Также возможна модификация ИГ *kečä* ‘солнце’ показателем POSS.3SG в контрастном топике (34) и контрастном фокусе (35)¹³.

- (32) *kā-štā kečä läkt-eš?* — *kečä(-žä) vostok-āštā läkt-eš.*
 который-IN солнце выходить-NPST.3SG солнце-POSS.3SG восток-IN выходить-NPST.3SG
 ‘Где встает солнце? — Солнце встает на востоке’.

¹⁰ Шкала референциальных статусов Т. Гивона представлена в виде спирали из-за неоднозначной позиции генерического статуса. Генерический статус не является референтным, поэтому он расположен далеко от определенного статуса. Однако он может маркироваться и как определенный, если в качестве референта выступает целый класс, ср. (31г), где *the bear* имеет генерический референциальный статус, и (31а), где *the bear* — ИГ с определенным референциальным статусом. При этом ИГ с референтным неопределенным (31б) и нереферентным неопределенным (31в) статусом маркируются другим способом — с помощью неопределенного артикля.

¹¹ Некоторые исследователи анализируют и неконтрастный фокус как выбор из множества альтернатив, см., например, [Rooth 1985]. Контрастный фокус отличается от неконтрастного наличием салиентного или эксплицитно выраженного множества альтернатив.

¹² Здесь и далее под топиком и фокусом понимаются неконтрастные топик и фокус, если эксплицитно не указано иное.

¹³ В контекстах с эксплицитным противопоставлением двух альтернатив некоторые носители допускают маркирование только одного конъюкта. В позиции контрастного топика, по имеющимся данным, всегда допускается маркирование второго конъюкта. Для позиции контрастного фокуса выбор конъюкта, маркирование которого предпочтительно, требует дальнейшего исследования.

- (33) *ma vā-kä anž-et?* — *kečä* / [?]*kečä-žä* *vā-kä*.
 что верх-ILL2 смотреть-NPST.2SG солнце солнце-POSS.3SG верх-ILL2
 ‘На что ты смотришь? — На солнце’.
- (34) *tälzä* / [?]*tälzä-žä* *üstä*, *a kečä(-žä)* *šokšä*.
 луна луна-POSS.3SG холодный а солнце-POSS.3SG горячий
 ‘Луна холодная, а солнце горячее’.
- (35) *krokod'il kečä(-žä)-m nel-än kolt-en*, *a tälzä-m* / [?]*tälzä-žä-m* *agäl*.
 крокодил солнце-POSS.3SG-ACC глотать-CVB посылать-PRET а луна-ACC луна-POSS.3SG-ACC NEG
 ‘Крокодил солнце проглотил, а не луну’.

Маркирование определенной ИГ в широком фокусе (36) и в тетических предложениях (37) недопустимо¹⁴. Эти информационно-структурные характеристики мы далее рассматривать не будем.

- (36) *ma-m tänä äšt-et?* — *kečä* / ^{*}*kečä-žä* *vā-kä anž-em*.
 что-ACC ты делать-NPST.2SG солнце солнце-POSS.3SG верх-ILL2 смотреть-NPST.1SG
 ‘Что ты делаешь? — Смотрю на солнце’.
- (37) *ma u ulä?* — *pet'a kečä mäch-kä kečä* / ^{*}*kečä-žä* *vā-kä anž-en*,
 что новый EX Петя день конец-ILL2 солнце солнце-POSS.3SG верх-ILL2 смотреть-PRET
dä kəzät tädə-n sänzä-vlä-žä karšt-at.
 и сейчас он-GEN глаз-PL-POSS.3SG болеть-NPST.3PL
 ‘Что нового? — Петя весь день смотрел на солнце, и теперь у него болят глаза’.

5.2. Референтные неопределенные ИГ

Референтные неопределенные ИГ в большинстве идиолектов не могут модифицироваться показателем POSS.3SG в фокусе (38). В контрастном фокусе (39) и контрастном топике (40) показатель POSS.3SG возможен, но предпочтительно его отсутствие. В позиции топика неопределенные ИГ находиться не могут, см., например, [Givón 1978: 318; Gundel 1988: 213—215; Erteschik-Shir 2014: 25].

- (38) *kü papa-m toma jakte kand-en kod-en?* —
 кто бабушка-ACC дом до приносить-CVB оставлять-PRET
ta-maxan' püergä / ^{??}*püergä-žä*.
 INDEF-какой мужчина мужчина-POSS.3SG
 ‘Кто довел бабушку до дома? — Какой-то мужчина’.
- (39) *bank-əm ta-maxan' ädärämäš* / ^{??}*ädärämäš-žä* *šolä-št-Ø lākt-ən*, *a püergä agäl*.
 банк-ACC INDEF-какой женщина женщина-POSS.3SG вор-DENOM-CVB извлекать-PRET а мужчина NEG
 ‘Банк ограбила какая-то женщина, а не мужчина’.
- (40) *tagaçä irok novos't'-əm anž-en-äm*. *tengečä ta-maxan' ädärämäš* / [?]*ädärämäš-žä*
 сегодня утро новость-ACC смотреть-PRET-1SG вчера INDEF-какой женщина женщина-POSS.3SG
bank-əm šolä-št-Ø lākt-ən, *a ta-maxan' püergä* / [?]*püergä-žä*
 банк-ACC вор-DENOM-CVB извлекать-PRET а INDEF-какой мужчина мужчина-POSS.3SG
lapka-m šolä-št-Ø lākt-ən.
 магазин-ACC вор-DENOM-CVB извлекать-PRET
 ‘Сегодня утром я смотрела новости. Вчера какая-то женщина ограбила банк, а какой-то мужчина ограбил магазин’.

¹⁴ Под тетическими понимаются «коммуникативно нерасчлененные» предложения, которые полностью находятся в фокусе [Тестелец 2001: 447], см. также [Sasse 1995: 4]. В предложениях с широким фокусом новая информация заключена в глагольной группе, а субъект является топикальным. В предложениях с узким фокусом новая информация заключена в аргументе или адьюнкте глагола. В [Lambrecht 1994: 223] эти понятия называются предикатным фокусом (predicate focus), аргументным фокусом (argument focus) и сентенциальным фокусом (sentence focus) соответственно. Однако термин ‘узкий фокус’ (narrow focus), который фигурирует в более ранней работе [Lambrecht 1986], кажется более точным, поскольку узкий фокус возможен не только на аргументах, но и на адьюнктах.

5.3. Нереперентные неопределенные ИГ

Нереперентные неопределенные ИГ также не могут модифицироваться показателем POSS.3SG в фокусе (41). В контрастном фокусе (42) и контрастном топике (43) показатель POSS.3SG возможен в некоторых идиолектах, при этом предложение с контрастным топиком оказывается более допустимым, чем предложение с контрастным фокусом. Тем не менее, отсутствие показателя POSS.3SG предпочтительно. В позиции топика нереперентные неопределенные ИГ также находиться не могут, см., например, [Gundel 1988: 213—215].

- (41) *vas'a-lan ik-tä-maxan' ärvezä / *ärvezä-žä kel-eš,*
 Вася-DAT один-INDEF-какой мальчик мальчик-POSS.3SG нуждаться-NPST.3SG
tädä-län mad-aš-äžä ik-t=ät uke.
 он-DAT играть-INF-POSS.3SG один-FULL=ADD NEG.EX
tädä-n sola-štä-žä kogo-rak-vlä vele äl-ät.
 он-GEN деревня-IN-POSS.3SG большой-CMPR-PL только жить-NPST.3SG
 {— Кто нужен Васе?} 'Васе нужен какой-нибудь мальчик. Ему не с кем играть. В его деревне живут только взрослые'.
- (42) *vas'a-lan ik-tä-maxan' ärvezä / [?]ärvezä-žä kel-eš, a ädäräš agäl.*
 Вася-DAT один-INDEF-какой мальчик мальчик-POSS.3SG нуждаться-NPST.3SG а девочка NEG
 'Васе нужен какой-нибудь мальчик, а не девочка'. {Ему не с кем играть. В его деревне живут только взрослые.}
- (43) *ik-tä-maxan' ärvezä / [?]ärvezä-žä kel-eš vas'a-lan,*
 один-INDEF-какой мальчик мальчик-POSS.3SG нуждаться-NPST.3SG Вася-DAT
a ik-tä-maxan' ädäräš / [?]ädäräš-žä maša-lan.
 а один-INDEF-какой девочка девочка-POSS.3SG Маша-DAT
 'Какой-нибудь мальчик нужен Васе, а какая-нибудь девочка — Маше'. {Но в их деревне живут только взрослые.}

5.4. Генерические ИГ

Генерические ИГ могут модифицироваться показателем POSS.3SG в топике (44), в то время как в фокусе этот показатель недопустим (45). Модификация посессивным показателем 3 л. ед. ч. в контрастном топике (46) наиболее допустима (для отдельных носителей посессивный показатель более уместен на втором конъюнкте), в то время как присоединение POSS.3SG к ИГ в контрастном фокусе (47) допускается лишь некоторыми носителями.

- (44) *mä-läm p'ingv'in gišän ik-ta-ma-m šajäšt-Ø pu-Ø=aj.*
 я-DAT.POSS.1SG пингвин о один-INDEF-что-ACC говорить-CVB давать-IMP=POL I
 — *p'ingv'in / [?]p'ingv'in-žä južnäj äl-ä. pol'us-äštä*
 пингвин пингвин-POSS.3SG южный жить-NPST.3SG полюс-IN
 '— Расскажи мне что-нибудь о пингвине. — Пингвин живет на Южном полюсе'.
- (45) *a maxan' životnäj južnäj pol'us-äštä äl-ä? — južnäj pol'us-äštä*
 а какой животное южный полюс-IN жить-NPST.3SG южный полюс-IN
p'ingv'in / *p'ingv'in-žä äl-ä.
 пингвин пингвин-POSS.3SG жить-NPST.3SG
 '— А какое животное живет на Южном полюсе? — На Южном полюсе живет пингвин'.
- (46) *oš möskä(-žä) s'ev'ernäj pol'us-äštä äl-ä, a p'ingv'in(-žä) južnäj-äštä.*
 белый медведь-POSS.3SG северный полюс-IN жить-NPST.3SG а пингвин-POSS.3SG южный-IN
 'Белый медведь живет на Северном полюсе, а пингвин — на Южном'.
- (47) *s'ev'ernäj pol'us-äštä oš möskä / [?]möskä-žä äl-ä,*
 северный полюс-IN белый медведь медведь-POSS.3SG жить-NPST.3SG
a p'ingv'in / [?]p'ingv'in-žä agäl.
 а пингвин пингвин-POSS.3SG NEG
 'На Северном полюсе живет белый медведь, а не пингвин'.

5.5. Обобщение данных

В таблице 2 обобщена информация об употреблении показателя POSS.3SG в зависимости от референциального статуса ИГ и ее роли в информационной структуре.

Таблица 2. Влияние референциального статуса и информационной структуры на допустимость маркирования ИГ показателем POSS.3SG

	топик	контрастный топик	фокус	контрастный фокус
референтный определенный	ОК	ОК	?	ОК
генерический	?	ОК	*	?
референтный неопределенный	—	?	*	?
нереферентный неопределенный	—	?	*	??

Таким образом, в топике показатель POSS.3SG может модифицировать определенную и генерическую ИГ. Маркирование генерических и (не)референтных неопределенных ИГ допустимо в контрастном топике. В фокусе посессивный аффикс практически не может быть употреблен; лишь некоторые носители допускают возможность маркирования показателем POSS.3SG определенных ИГ. В контрастном фокусе дистрибуция этого показателя также ограничена, при этом его употребление с референтными ИГ более допустимо. В целом показатель POSS.3SG тяготеет к топикальным/контрастным контекстам и, тем самым, к определенным ИГ, поскольку статус топика/контраста для них наиболее характерен (см., например, [Lambrecht 1994: 286—295; Lyons 1999: 232—236]).

6. Противопоставление участников и их статуса в дискурсе

Как мы отмечали в разделе 4, функции посессивного показателя POSS.3SG объединяет идея выбора из множества. Контрастные топик и фокус в локальной структуре дискурса также анализируются как выбор из множества альтернатив [Erteschik-Shir 2007; Repp 2010] (раздел 6.1, см. также раздел 5, где было показано, что POSS.3SG может маркировать контрастный топик и фокус). В глобальной структуре дискурса при смене топика происходит выбор топика из множества возможных вариантов в дискурсе, активированных в сознании говорящего и слушающего, а при маркировании протагониста выбор происходит из множества всех протагонистов, действующих в различных фрагментах дискурса (раздел 6.2, см. также раздел 4, где приводятся примеры на смену топика).

6.1. Контрастивные контексты

К контрастивным контекстам относится в первую очередь собственно выбор из множества (см. раздел 4). Например, в (48) речь идет об одном вопросе этнографического диктанта, посвященном Конституции и выбранном из множества всех вопросов.

- (48) *jad-maš-vlä int'er'esnâj-vlä âl-ân-ât, tidä mäm-nä-n ros'ijä-n*
 спрашивать-NMLZ2-PL интересный-PL быть-PRET-3PL этот мы-POSS.1PL-GEN Россия-GEN
konst'itucij-äm pälä-mä dono kâld-ält-eš ik jad-maš-âžâ.
 конституция-ACC знать-NMLZ с связывать-MED-NPST.3SG один спрашивать-NMLZ2-POSS.3SG
 'Вопросы были интересные, это, один вопрос из этих связан со знанием Конституции РФ'. [ГК: «Этнографический диктант», 12]

Также к контрастивным контекстам относятся контрастные топики и фокусы (см. раздел 5). Например, в (49) контрастными топиками являются выражения *kâdâ cävâžâ* 'некоторые курицы' и *kâdâžâ* 'некоторые', в (50) представлены контрастные топики *vätâ* 'жена' и *män'žâ* 'я', в (51) — контрастные фокусы *žilojžâ* 'жилой' и *pusta* 'пустой'. Из этих примеров, кроме того, видно, что маркироваться посессивным показателем могут не все противопоставленные группы, см. также сноску 11.

- (49) *kâdâ cävâ-žâ püšängä vuj-âš kuz-en šänz-eš, kâdâ-žâ*
 который курица-POSS.3SG дерево голова-ILL подниматься-CVB садиться-NPST.3SG который-POSS.3SG
ik-tä täškä lo-eš pâjx-en šänz-eš jâd vaš-eš.
 один-INDEF куст середина-LAT прятаться-CVB садиться-NPST.3SG ночь сквозь-LAT
 'Некоторые куры залезают на дерево, некоторые в кустах скрылись на ночь'. [ГК: «Бешеные лисички», 21]

- (50) *vätä äl-eš šünängär gäc-än, män'-žä jäljal gäc-än.*
 женщина быть-NPST.3SG Шунангер EL-FULL я-POSS.3SG Юльялы EL-FULL
 'Жена из Шунангера, а я из Юльял¹⁵'. [ГК: «Колбаса», 2]
- (51) *a kžät teve=š täštäken kod-än-ät ik toma žiloj-žä, näl toma pusta, vot.*
 а сейчас вот=PTCL там оставаться-PRET-3PL один дом жилой-POSS.3SG четыре дом пустой вот
 'Ну а сейчас вот там остался один дом жилой, а четыре дома пустующие, вот'. [ГК: «Кукшилиды», 34]

В некоторых примерах, в отличие от (49)—(51), содержится противопоставление ситуаций, в которых задействованы участники. Так, в (52) говорящий обращается к собеседнику, ранее упрекнувшему его в том, что он ловит рыбу на принадлежащем собеседнику месте. Внимание акцентируется на том, кем является именно говорящий, он противопоставляется слушающему; противопоставлены и ситуации 'я сын царя' и 'ты говоришь со мной неподобающим образом'.

- (52) *ax, tän' päl-et, män'-žä kü äl-am, — man-eš, —*
 ах ты знать-NPST.2SG я-POSS.3SG кто быть-NPST.1SG говорить-NPST.3SG
män' kugižä ergä äl-am man-eš.
 я царь сын быть-NPST.1SG говорить-NPST.3SG
 '«Ах, ты знаешь, кто я такой», — говорит, — «я сын царя», — говорит'. [ГК: «Сказка о богатыре», 44]

Предложение (53) использовано в ситуации, когда Винни-Пух начинает звать Кролика, подойдя к его дому, и слышит произносимый голосом Кролика ответ, что дома никого нет. В данном случае противопоставляются ситуации отсутствия Кролика дома и наличия ответа, который доносится из дома. При этом противопоставление самого Кролика другим участникам не очевидно.

- (53) *a kâ-škâ kej-en krol'ik-šä?*
 а который-ILL идти-PRET кролик-POSS.3SG
 'А куда делся Кролик?' [ГК: «Пересказ мультфильма о Винни-Пухе», 32]

В (54) противопоставлены ситуации 'говорящий хорошо умел бегать' и 'бегать с котомкой было тяжело'. Посессивный показатель присоединяется к форме деепричастия от глагола *kârgâžtalaš* 'бегать' с нулевым показателем, которая не может иметь предметный референт и вводит противопоставление каких-либо участников ситуации.

- (54) *män' kârgâž-tal-φ-žä jažo-n mâšt-em äl'ä.*
 я бежать-ATT-CVB-POSS.3SG хороший-ADV уметь-NPST.1SG RETR I
no kotomka don kârgâž-tal-aš iziš nelä-räk äl-än.
 но котомка с бежать-ATT-INF немного тяжелый-CMPR быть-PRET
 'Я хорошо бегать умел. Но бегать с котомкой немного тяжело было'. [ГК: «Армейская байка о водке», 51—52]

6.2. Маркирование роли участника в дискурсе

Под контрастивным маркированием на уровне дискурса мы понимаем случаи, когда для объяснения наличия показателя POSS.3SG необходимо принять во внимание не только само предложение, но и предыдущий контекст. При этом непосредственного противопоставления разных участников может и не быть, но происходит перераспределение их ролей в дискурсе. Например, показатель POSS.3SG может маркировать поворот повествования: из активированных возможных топиков выбирается один. Так, в (55) речь идет о волке из мультфильма «Ну, погоди!»; сообщается, что он видит медведей. Затем в (56)—(57) происходит поворот повествования: речь заходит о медведях, которые были введены в предыдущем предложении. После этого отступления рассказ возвращается к действиям волка (58).

- (55) *už-än kolt-a motocikäl-äštä möskü-vlū kädal-ät.*
 видеть-CVB посылать-NPST.3SG мотоцикл-IN медведь-PL бежать-NPST.3PL
 '{Волк по асфальту, по улице шагает,} видит: на мотоцикле медведи едут'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 21]
- (56) *möskü-vlū-žä... они как бы милиционеры, да?*
 медведь-PL-POSS.3SG
 'А медведи... они как бы милиционеры, да?' [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 22]

¹⁵ Шунангер и Юльялы — населенные пункты в Горномарийском районе.

- (57) *möskü-vlä-žä m'il'icejsk'ij vârgem-än âl-ât.*
медведь-PL-POSS.3SG милицейский одежда-PROP быть-NPST.3PL
'Медведи в милицейской форме были'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 23]
- (58) *pirä jäle-räk moren-äm t'el'efonnâj budka-š pitär-en šänd-ä.*
волк скоро-СМРР заяц-ACC телефонный будка-ILL закрывать-CVB сажать-NPST.3SG
'Волк быстро зайца закрывает в телефонной будке'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 24]

В (59)—(60) мы наблюдаем аналогичную ситуацию: сначала был введен фокусный участник — шапка, который в следующем предложении становится топиком и поэтому маркируется посессивным показателем.

- (59) *ik gänä lapka-š ke-mäk-em, kalpak-äm už-än-am.*
один раз магазин-ILL идти-CVB.ANT-POSS.1SG шапка-ACC видеть-PRET-1SG
{В молодости, в первый год когда начал работать, работал среди луговых марийцев.} 'Один раз, когда пошел в магазин, увидел шапку'. [ГК: «О шляпе», 2]
- (60) *kalpak-šâ ludâ cäre-än âl'-â.*
шапка-POSS.3SG серый цвет-PROP быть-AOR.3SG
'Эта шапка была серого цвета'. [ГК: «О шляпе», 3]

Важно, что маркируется именно смена топика, а не повторение слова (ср. контексты с анафорическим антецедентом по Дж. Хокинзу, рассмотренные в разделе 4). Так, в предложениях (61)—(63), предшествующих примеру (64), слово *küer* 'камень' встречается три раза. Однако на протяжении этих трех предложений описываются действия детей над камнем, т. е. именно дети являются топикальными участниками в этих предложениях. В (64) топикальным участником становится камень, что вызывает посессивное маркирование на соответствующей ИГ.

- (61) *vara ke-ât kornâ-štâ, už-än kolt-at küer-äm.*
потом идти-NPST.3PL дорога-IN видеть-CVB посылать-NPST.3PL камень-ACC
{По этой карте идут, идут они по дороге. Лису видят. Потом еще идут, идут. Барсука видно.} 'Потом идут по дороге, еще видят камень'. [ГК: «Пересказ мультфильма “Песнь моря”», 17]
- (62) *tâ küer gâc-än älštâš-äm näl-än šu-at.*
тот камень EL-FULL лист-ACC брать-CVB бросать-NPST.3PL
'С этого камня убирают листву'. [ГК: «Пересказ мультфильма “Песнь моря”», 18]
- (63) *tâ küer-äm lükt-äl-Ø šagal-t-at=at.*
тот камень-ACC поднимать-ATT-CVB вставить-CAUS-NPST.3PL=ADD
'Этот камень поднимают'. [ГК: «Пересказ мультфильма “Песнь моря”», 19]
- (64) *tâ küer-žä volšebnâj âl-än.*
тот камень-POSS.3SG волшебный быть-PRET
'Этот камень волшебный был'. [ГК: «Пересказ мультфильма “Песнь моря”», 20]

Другими словами, показатель POSS.3SG не маркирует «продолжающийся топик», он употребляется при «изменяющемся топике» (continued topic и shifted topic в терминологии [Erteschik-Shir 2007]).

Как и контрастные топик и фокус на уровне предложения, смену топика в дискурсе также можно анализировать, используя идею выбора из множества, см., например, [Lee 1986: 303]. Так, в (65) задается тема дальнейшего дискурса: мультфильмы. В (66) в качестве ответа на вопрос о любимых мультфильмах отвечающий выбирает мультфильм «Барбоскины». В (67) спрашивающий выбирает новый топик из множества мультфильмов («Маша и медведь»). В (68) отвечающий продолжает краткое обсуждение мультфильма «Маша и медведь», после чего в (69) спрашивающий снова выбирает новую тему из множества мультфильмов («Ну, погоди!»).

- (65) *maxan' mul'tf'il'm-vlä-m anž-aš jarat-et, lešängä*
какой мультфильм-PL-ACC смотреть-INF любить-NPST.2SG недавно
mul't'ik-äm čükt-äktä-ne-t âl'-â=š.
мультик-ACC зажигать-CAUS.DIST-DES-2SG RETR1=PTCL
'Какие мультфильмы смотреть любишь, недавно хотел было заставить включить мультфильм'. [ГК: «Диалог с ребенком», 96]

- (66) *maxan'-â-m jarat-et?* — Барбоскины.
какой-FULL-ACC любить-NPST.2SG
'Какой любишь? — «Барбоскины»'. [ГК: «Диалог с ребенком», 97—98]
- (67) *maša i m'edv'ed'-šă-m a-t jaratâ?*
Маша и медведь-POSS.3SG-ACC NEG.NPST-2SG любить
'А «Машу и медведя» не любишь?' [ГК: «Диалог с ребенком», 102]
- (68) *tožâ jarat-em. eše Фиксики.*
тоже любить-NPST.1SG еще
'Тоже люблю. Еще «Фиксики»'. [ГК: «Диалог с ребенком», 103]
- (69) *nu pogod'i-žă-m?* — Угу.
ну погоди-POSS.3SG-ACC
'А «Ну, погоди!»? — Угу'. [ГК: «Диалог с ребенком», 104—105]

К классу контекстов со сменой топика можно отнести и предложения со словами *ešežă* 'а еще' (70), *varažă* 'а потом' (71).

- (70) *ong-âštâ-štâ... šer-vlä keč-ät, eše-žă anzâlvač,*
грудь-IN-POSS.3PL бусы-PL висеть-NPST.3PL еще-POSS.3SG фартук
man-šas, kârâk marâ-n gan'=ok.
говорить-OPT гора мари-GEN как=EMPH
{Так, у горных марийцев есть наплечники, у них тоже на плечах есть подобие наплечников, но, видимо, вышитые.} 'У них на груди висят бусы, а еще есть, так сказать, фартук, похожий на горнома-рийский'. [ГК: «Одежда (описание картинок)», 25]
- (71) *tenge-lâ-n vuj-âš văr-ešt-ät, vuj vim-ăškă...*
так-SIM-FULL голова-ILL место-DENOM-NPST.3PL голова мозг-ILL
văr-ešt-ät, a vara-žă kap'il'ar-vlä mâč-kâ jog-en a-k kert-ep.
место-DENOM-NPST.3PL а потом-POSS.3SG капилляр-PL конец-ILL2 течь-CVB NEG.NPST-3 мочь-3PL
{Так 3, 4, 5, 6 эритроцитов вместе связываются, они начинают вместе перемещаться по венам.} 'Та-ким образом попадают в голову, в головной мозг, а потом не могут поступить в капилляры'. [ГК: «О вреде алкоголя», 13]

Такое употребление показателя POSS.3SG похоже на употребление союза *a* в русском языке («а поворота повествования» / «а начала новой темы», см. [Урысон 2011]). В случае, когда происходит «поворот повествования», как в предложении *Маша разбирала этюд Шопена, и/а он был сложный*, союз *a* может быть употреблен, поскольку во второй клаузе речь идет не о Маше, а об этюде Шопена. В случае же, когда «поворот повествования» не происходит, как в предложении *Маша разбирала этюд Шопена, и/а он казался ей очень трудным*, употребление союза *a* невозможно, поскольку речь все еще идет о Маше (о ее ментальном состоянии).

Еще одной параллелью может служить употребление местоимения *tot* в русском языке. Согласно [Подлесская 2020], это местоимение можно анализировать как маркер смены топика. Так, в контексте *Петя встретил Колю. Тот*_{ij} был не в духе и не поздоровался* ([там же: 632]), местоимение *tot* может отсылать к Коле, но не к Пете.

Рассмотрим также следующий отрывок дискурса. В (72) волк, который в первый раз появляется в этом тексте, задает псу вопрос. В (73) пес отвечает на вопрос (при этом в предложении нет ИГ, которая отсылала бы к псу, что может быть результатом его высокой топикальности, см. о модели референциального выбора, например, в [Kibrik 2011]). В (74) волк произносит ответную реплику, соответствующая ИГ оформляется посессивным маркером, что можно было бы анализировать как смену топика. Затем в (75) волк продолжает говорить, т. е. смены топика, например, на пса не происходило. В (76) волк также остается топикальным, однако на этот раз лексема *piră* 'волк' маркируется посессивным показателем.

- (72) *vad-eš li-măkă, tidă-m piră cakl-a dă...*
вечер-LAT становиться-CVB.ANT этот-ACC волк замечать-NPST.3SG и
«ta-m äšt-et?» — *man-eš.*
что-ACC делать-NPST.2SG говорить-NPST.3SG
'Когда наступает вечер, его замечает волк и... «Что делаешь?» — говорит'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 25—26]

- (73) *kek-əm kăčă-ne-m — man-eš.*
птица-ACC держать-DES-1SG говорить-NPST.3SG
‘«Птицу хочу поймать», — говорит {пес}’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 27]
- (74) *a tən'-žă ma-m ti-štă kašt-at? — man-eš.*
а ты-POSS.3SG что-ACC этот-IN ходить-NPST.2SG говорить-NPST.3SG
sola-štă əl-et əl'ə=š — man-eš piră-žă.
деревня-IN жить-NPST.2SG RETR1=PTCL говорить-NPST.3SG волк-POSS.3SG
‘«А ты-то что тут ходишь? — говорит. — Ты в деревне же жил!» — говорит волк’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 28—31]
- (75) *ăšt-et, măn'-əm kăce pokt-əl-at əl'ə? — man-eš.*
помнить-NPST.2SG я-ACC как гнать-SEM-NPST.2SG RETR1 говорить-NPST.3SG
pi-n oĵxâră-š sänzä-žă-m uż-eš dä ângəlă-š.
собака-GEN горевать-PTCP.АКТ глаз-POSS.3SG-ACC видеть-NPST.3SG и понимать-AOR
‘«Помнишь, как ты меня гонял?» — говорит {волк}. Увидел грустные глаза пса и понял’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 32—34]
- (76) *aaa, tən'-əm=ăt pokt-en lăkt-ân-ăt — man-eš piră-žă.*
ты-ACC=ADD гнать-CVВ извлекать-PRET-3PL говорить-NPST.3SG волк-POSS.3SG
‘«А-а-а, тебя тоже выгнали», — говорит волк’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 35]

Это употребление посессивного показателя нельзя анализировать как смену топика. Можно предположить, что показатель POSS.3SG может также маркировать ИГ, обозначающие протагонистов. Таким образом, данный тип употребления показателя POSS.3SG связан с выбором из множества главных персонажей, поскольку это множество всегда в той или иной степени активировано в дискурсе.

В [Сердобольская, Толдова 2012] были получены похожие результаты относительно дифференцированного маркирования прямого дополнения в финно-угорских языках: прямое дополнение имеет тенденцию маркироваться посессивными показателями, если его референт является протагонистом или становится центральным участником дальнейшего дискурса. В бесермянском удмуртском показатель POSS.3SG употребляется в контекстах контрастного топика и маркирует смену топика [Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019].

Так или иначе, все рассмотренные типы сводятся к идее выбора из множества, что подтверждает выводы, полученные в предыдущем разделе: показатель POSS.3SG тяготеет к контекстам контрастного топика и контрастного фокуса, которые анализируются как выбор из множества альтернатив (см, например, [Erteschik-Shir 2007; Repp 2010]).

7. Выводы

Показатель POSS.3SG в горномарийском языке не является показателем определенности, поскольку в контекстах определенности по [Hawkins 1978] он допустим только в (контрастном) топике, но не в фокусе (за исключением контекста выбора из множества). Таким образом, его первичная функция — маркирование контраста, а не определенности. Контрастная функция показателя POSS.3SG обсуждалась также для пермских, татарского и чувашского языков, см. [Серебренников 1963: 133; Nikolaeva 2003].

Употребление показателя POSS.3SG обусловлено в первую очередь информационной структурой высказывания. Он может маркировать топик, а также имеет контрастное употребление — и в топике, и в фокусе. Данное употребление типично в референтных ИГ, но маркирование посессивным показателем возможно и в нереперентных ИГ, если данная ИГ употребляется в контрастном топике или, реже, в контрастном фокусе.

Функции показателя POSS.3SG объединяет идея выбора из множества. На уровне ИГ это собственно выбор референта из множества участников. Контрастные топик и фокус также анализируются как выбор из множества альтернатив [Erteschik-Shir 2007; Repp 2010]. При смене топика аналогично происходит выбор топика из множества возможных вариантов в дискурсе, активированных в сознании говорящего и слушающего, а при маркировании протагониста выбор происходит из множества всех протагонистов, действующих в различных фрагментах дискурса.

Тем самым, один и тот же показатель кодирует в горномарийском языке близкую семантику на уровнях ИГ, локальной и глобальной структуры дискурса.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IN — инессив
ACC — аккузатив	INDEF, INDEF2 — неопределенность
ADD — аддитивная частица	INF — инфинитив
ADV — адвербиализатор	LAT — латив
AOR — аорист	MED — медий
ATT — аттенуатив	NEG — отрицание
CAUS — каузатив	NMLZ, NMLZ2 — номинализация
CAUS.DIST — дистантный каузатив	NPST — непрошедшее время
CMPR — компаратив	OPT — оптатив
CVB — деепричастие	PL — множественное число
CVB.ANT — деепричастие предшествования	POL1, POL2 — показатель вежливости
DAT — датив	POSS — посессивность
DENOM — отыменный глагол	PRET — претерит
DES — дезидератив	PROP — проприетив
EL — элатив	PTCL — частица
EMPH — эмфатическая частица	PTCP.ACT — активное причастие
EX — существование	RETR1 — ретроспективный сдвиг
FULL — показатель полной формы	SEM — семейфактив
GEN — генитив	SG — единственное число
ILL, ILL2 — иллатив	SIM — симилятив
IMP — императив	

Литература

- Андреева 2009 — Л. А. Андреева. Функции притяжательных суффиксов при инфинитиве на *-аш* в марийском языке // Финно-угорский мир. 2009, 3. С. 26—33.
- Брыкина, Судобина 2005 — М. М. Брыкина, А. Н. Судобина. Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков) // Четвертая типологическая школа (21—28 сентября 2005 г., Ереван). М., 2005. С. 98—101.
- Кашкин и др. 2018 — Е. В. Кашкин, М. А. Сидорова, Д. Д. Мордашова, А. Р. Гарейшина, И. К. Учитель. Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики // «Малые языки в большой лингвистике». Сборник трудов конференции 2017 / Ред. Кс. П. Семенова. М., 2018. С. 83—90.
- Кашкин 2008 — Е. В. Кашкин. Посессивное склонение в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008, 6. С. 33—46.
- Кашкин, Панкова 2011 — Е. В. Кашкин, М. С. Панкова. Экспериментальное исследование употребления посессивного склонения в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. 2011, 3. С. 82—87.
- Кузнецова 2003 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: действительные функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по действительным системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей. Ижевск; Лейпциг, 2003. С. 249—259.
- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
- Майтинская 1974 — К. Е. Майтинская. Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков. М., 1974.
- Падучева 2018 — Е. В. Падучева. Эгоцентрические единицы языка. М., 2018.
- Плешак, Хомченкова 2019 — П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. Переключение кодов как контекст контрастивности в горномарийском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1 (23). С. 56—68.
- Подлеская 2020 — В. И. Подлеская. «А тот Перовской не дал всласть поспать»: просодия и грамматика анафорического *тот* в зеркале корпусных данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2020, 19 (26). С. 613—628.
- Подлеская, Коротаев 2009 — В. И. Подлеская, Н. А. Коротаев. Речевые сбои и затруднения // Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009. С. 177—218.

- Саваткова 2002 — *А. А. Саваткова*. Горное наречие марийского языка. Savariae, 2002.
- Саваткова 2008 — *А. А. Саваткова*. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2008.
- Сердобольская, Толдова 2012 — *Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю.* Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М., 2012. С. 59—142.
- Серебренников 1963 — *Б. А. Серебренников*. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тужаров 1987 — *Г. М. Тужаров*. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987.
- Урысон 2011 — *Е. В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов: Данные языка о деятельности сознания. М., 2011.
- Янко 1994 — *Т. Е. Янко*. Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений // *Вопросы языкознания*. 1994, 6. С. 37—59.
- Янко 2008 — *Т. Е. Янко*. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Alhoniemi 1993 — *A. Alhoniemi*. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg, 1993.
- Buren 2010 — *A. D. Buren*. The development of the Amharic definite article and an Indonesian parallel // *Journal of Semitic Studies*. 2010. Vol. 55 (1). P. 103—114.
- Chafe 1976 — *W. Chafe*. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view // *Subject and Topic / Ed. Ch. Li*. New York, 1976. P. 27—55.
- Collinder 1955 — *B. Collinder*. Fenno-Ugric vocabulary. Stockholm, 1955.
- Csúcs 1990 — *S. Csúcs*. Chrestomathia votiacica. Budapest, 1990.
- Erteschik-Shir 2007 — *N. Erteschik-Shir*. Information structure: The syntax-discourse interface. Oxford, 2007.
- Erteschik-Shir 2014 — *N. Erteschik-Shir*. Information structure and (in) definiteness // *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference / Eds. P. Hofherr, A. Zribi-Hertz*. Leiden; Boston, 2014. P. 23—51.
- Etebari et al. 2020 — *Z. Etebari, A. Alizadeh, M. Naghzguy-Kohan, M. Koptjevskaja-Tamm*. Development of contrastive-partitive in colloquial Persian: A grammaticalization from possessive =eš // *STUF — Language Typology and Universals*. 2020. Vol. 73 (4). P. 575—604.
- Ewing 1995 — *M. Ewing*. Two Pathways to identifiability in Cirebon Javanese // *Berkeley Linguistics Society*, 1995. Vol 21. P. 72—82.
- Fraurud 2001 — *K. Fraurud*. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // *Dimensions of possession / Eds. I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen*. Amsterdam, 2001. P. 243—268.
- Gerland 2014 — *D. Gerland*. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function // *Frames and concept types: applications in language and philosophy / Eds. T. Gamerschlag, D. Gerland, R. Osswald, W. Petersen*. Cham, 2014. P. 269—292.
- Givón 1978 — *T. Givón*. Definiteness and referentiality // *Universals of human language*. 1978. Vol. 4. P. 291—330.
- Givón 1984 — *T. Givón*. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. I. Amsterdam, 1984.
- Gundel 1988 — *J. K. Gundel*. Universals of topic-comment structure // *Studies in Syntactic Typology / Eds. M. Hammond, E. Moravcsik, J. Wirth*. Amsterdam, 1988. P. 209—242.
- Halliday 1967 — *M. Halliday*. Notes on transitivity and theme in English. Part II // *Journal of Linguistics*. 1967. Vol. 3. P. 199—244.
- Hawkins 1978 — *J. Hawkins*. Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction. London, 1978.
- Janda 2015 — *G. Janda*. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function // *ESUKA*. 2015. Vol 6 (2). P. 243—258.
- Janda 2019 — *G. Janda*. Funktionen von Possessivsuffixen in den uralischen Sprachen. Cologne, 2019.
- Kangasmaa-Minn 1998 — *E. Kangasmaa-Minn*. Mari // *The Uralic Languages / Ed. D. Abondolo*. London; New York, 1998. P. 219—248.
- Kibrik 2011 — *A. A. Kibrik*. Reference in discourse. Oxford, 2011.
- Lambrecht 1986 — *K. Lambrecht*. Topic, focus, and the grammar of spoken French. PhD thesis. Berkeley, 1986.
- Lambrecht 1994 — *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Lee 1986 — *H. Lee*. Topicality and the contrastiveness continuum // *Proceedings of the Second Annual Meeting of the Pacific Linguistics Conference / Eds. S. DeLancey, R. Tomlin*. Eugene, Oregon, 1986. P. 271—309.
- Luu-tonen 1997 — *J. Luu-tonen*. The variation of Morpheme Order in Mari Declension. Helsinki, 1997.
- Lyons 1999 — *C. Lyons*. Definiteness. Cambridge, 1999.
- Molnár 2006 — *V. Molnár*. On different kinds of contrast // *The architecture of focus / Eds. V. Molnár, S. Winkler*. Berlin, 2006. P. 197—233.

- Nikolaeva 2003 — *I. Nikolaeva*. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers / Eds. *P. Suihkonen, B. Comrie*. Izhevsk; Leipzig, 2003. P. 130—145.
- Podlesskaya 2010 — *V. Podlesskaya*. Parameters for typological variation of placeholders // Fillers, Pauses and Placeholders / Eds. *N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan*. Amsterdam; Philadelphia, 2010. P. 11—32.
- Reinhart 1982 — *T. Reinhart*. Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topic // *Philosophica*. 1982. Vol. 27. P. 53—94.
- Repp 2010 — *S. Repp*. Defining ‘contrast’ as an information-structural notion in grammar // *Lingua*. 2010. Vol. 120 (6). P. 1333—1345.
- Rooth 1985 — *M. Rooth*. Association with focus. PhD thesis. Amherst, MA, 1985.
- Sasse 1995 — *H.-J. Sasse*. “Theticity” and VS order: a case study // *STUF — Language Typology and Universals*. 1995. Vol. 48 (1—2). P. 3—31.
- Schroeder 1999 — *Ch. Schroeder*. The Turkish Nominal phrase in Spoken Discourse. Wiesbaden, 1999.
- Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019 — *N. Serdobolskaya, M. Usacheva, T. Arkhangelskiy*. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia / Eds. *L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli*. Amsterdam; Philadelphia, 2019. P. 291—311.
- Simonenko 2014 — *A. Simonenko*. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society / Eds. *H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling*. Amherst, MA, 2014. P. 127—140.
- Tauli 1966 — *V. Tauli*. Structural tendencies in Uralic languages. London; The Hague; Paris, 1966.
- Vallduví 1992 — *E. Vallduví*. The informational component. New York, 1992.

References

- Alhoniemi 1993 — *A. Alhoniemi*. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg, 1993.
- Andreeva 2009 — *L. A. Andreeva*. Funktsii prityazhatel'nykh suffiksov pri infinitive na *-ash* v mariiskom yazyke {Functions of the possessive suffixes with *aš*-infinitive in Mari}. In: *Finno-ugorskii mir*. 2009, 3. P. 26—33.
- Brykina, Sudobina 2005 — *M. M. Brykina, A. N. Sudobina*. Possessivnye pokazateli v roli diskursivnykh markerov (na materiale nekotorykh ural'skikh yazykov) {Possessive suffixes as discourse markers (based on some Uralic languages)}. In: *Fourth typological school (21—28 September 2005, Yerevan)*. Moscow, 2005. P. 98—101.
- Buren 2010 — *A. D. Buren*. The development of the Amharic definite article and an Indonesian parallel // *Journal of Semitic Studies*. 2010. Vol. 55 (1). P. 103—114.
- Chafe 1976 — *W. Chafe*. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view // *Subject and Topic* / Ed. *Ch. Li*. New York, 1976. P. 27—55.
- Collinder 1955 — *B. Collinder*. Fenno-Ugric vocabulary. Stockholm, 1955.
- Csúcs 1990 — *S. Csúcs*. *Chrestomathia votiacica*. Budapest, 1990.
- Erteschik-Shir 2014 — *Erteschik-Shir N.* Information structure and (in) definiteness // *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference* / Eds. *P. Hofherr, Zribi-A. Hertz*. Leiden, Boston, 2014. P. 23—51.
- Erteschik-Shir 2007 — *Erteschik-Shir N.* Information structure: The syntax-discourse interface. Oxford, 2007.
- Etebari et al. 2020 — *Z. Etebari, A. Alizadeh, M. Naghzguay-Kohan, M. Koptjevskaja-Tamm*. Development of contrastive-partitive in colloquial Persian: A grammaticalization from possessive =*eš* // *STUF — Language Typology and Universals*. 2020. Vol. 73 (4). P. 575—604.
- Ewing 1995 — *M. Ewing*. Two Pathways to identifiability in Cirebon Javanese // *Berkeley Linguistics Society*, 1995. Vol. 21. P. 72—82.
- Fraurud 2001 — *K. Fraurud*. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // *Dimensions of possession* / Ed. *I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen*. Amsterdam, 2001. P. 243—268.
- Gerland 2014 — *D. Gerland*. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function // *Frames and concept types: applications in language and philosophy* / Eds. *T. Gamerschlag, D. Gerland, R. Osswald, W. Petersen*. Cham, 2014. P. 269—292.
- Givón 1978 — *T. Givón*. Definiteness and referentiality // *Universals of human language*. 1987. Vol. 4. P. 291—330.
- Givón 1984 — *T. Givón*. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. I. Amsterdam, 1984.
- Gundel 1988 — *J. K. Gundel*. Universals of topic-comment structure // *Studies in Syntactic Typology* / Eds. *M. Hammond, E. Moravcsik, J. Wirth*. Amsterdam, 1988. P. 209—242.
- Halliday 1967 — *M. Halliday*. Notes on transitivity and theme in English. Part II // *Journal of Linguistics*. 1967. Vol. 3. P. 199—244.

- Hawkins 1978 — *J. Hawkins*. Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction. London, 1978.
- Janda 2015 — *G. Janda*. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function // ESUKA. 2015. Vol 6 (2). P. 243—258.
- Janda 2019 — *G. Janda*. Funktionen von Possessivsuffixen in den uralischen Sprachen. Cologne, 2019.
- Kangasmaa-Minn 1998 — *E. Kangasmaa-Minn*. Mari // The Uralic Languages / Ed. *D. Abondolo*. London, 1998. P. 219—248.
- Kashkin 2008 — *E. V. Kashkin*. Possessivnoe sklonenie v muzhevskom govore izhemsckogo dialekta komi-zyrianskogo yazyka {Possessive declension in the Muzhi subdialect of the Izhma dialect of Komi-Zyrian}. In: Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2008, 6. P. 33—46.
- Kashkin et al. 2018 — *E. V. Kashkin, M. A. Sidorova, D. D. Mordashova, A. R. Garejshina, I. K. Uchitel*. Vse =ok: o semantike odnoi gornomariiskoi ehniklitiki {Everything is =ok: on the semantics of one Hill Mari enclitic}. In: Minority languages in large linguistics. Proceedings of the Conference 2017 / ed. by Ks. P. Semenova]. Moscow, 2018. P. 83—90.
- Kashkin, Pankova 2011 — *E. V. Kashkin, M. S. Pankova*. Eksperimental'noe issledovanie upotrebleniya possessivnogo skloneniya v izhemsckom dialekte komi-zyrianskogo yazyka {Experimental study of the use of the possessive declension in the Izhma dialect of the Komi-Zyrian language}. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2011, 3. P. 82—87.
- Kibrik 2011 — *A. A. Kibrik*. Reference in discourse. Oxford, 2011.
- Kuznetsova 2003 — *A. I. Kuznetsova*. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenii v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh {Cumulation of grammatical meanings in agglutinative markers: deictic functions of the possessive in Uralic languages}. In: International symposium on deictic systems and quantification in the languages of Europe and North and Central Asia: Collection of Papers. Izhevsk, Leipzig, 2003, P. 249—259.
- Kuznetsova, Helimsky, Grushkina 1980 — *A. I. Kuznetsova, E. A. Helimsky, E. V. Grushkina*. Ocherki po sel'kupskomu yazyku {Essays on the Selkup language}. Moscow, 1980.
- Lambrecht 1986 — *K. Lambrecht*. Topic, focus, and the grammar of spoken French. PhD thesis. Berkeley, 1986.
- Lambrecht 1994 — *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Lee 1986 — *H. Lee*. Topicality and the contrastiveness continuum. In: Proceedings of the Second Annual Meeting of the Pacific Linguistics Conference / Eds. *S. DeLancey, R. Tomlin*. Eugene, 1986. P. 271—309.
- Luutonen 1997 — *J. Luutonen*. The variation of Morpheme Order in Mari Declension. Helsinki, 1997.
- Lyons 1999 — *C. Lyons*. Definiteness. Cambridge, 1999.
- Maytinskaya 1974 — *K. E. Maytinskaya*. Voprosy sravnitel'nogo sintaksisa finno-ugorskikh yazykov {Issues of comparative syntax of the Finno-Ugric languages}. Moscow, 1974.
- Molnár 2006 — *V. Molnár*. On different kinds of contrast. In: The architecture of focus / Eds. *V. Molnár, S. Winkler*. Berlin, 2006. P. 197—233.
- Nikolaeva 2003 — *I. Nikolaeva*. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers / Eds. *P. Suihkonen, B. Comrie*. Izhevsk; Leipzig, 2003. P. 130—145.
- Paducheva 2018 — *E. V. Paducheva*. Ehgotsentricheskie edinitsy yazyka {Egocentric language units}. Moscow, 2018.
- Pleshak, Khomchenkova 2019 — *P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova*. Pereklyuchenie kodov kak kontekst kontrastivnosti v gornomariiskom yazyke {Code-switching as a contrastive context in Hill Mari}. In: Tomsk journal of linguistics and anthropology. 2019, 1 (23). P. 56—68.
- Podlesskaya 2010 — *V. Podlesskaya*. Parameters for typological variation of placeholders. In: Fillers, Pauses and Placeholders / Eds. *N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan*. Amsterdam; Philadelphia, 2010. P. 11—32.
- Podlesskaya 2020 — *V. I. Podlesskaya*. «A tot Perovskoi ne dal vslast' pospat'»: prosodiya i grammatika anaforicheskogo tot v zerkale korpusnykh dannyykh {"But he didn't let Perovskaya sleep to her heart's content": prosody and grammar of the anaphoric tot in the mirror of corpus data}. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2020, 19 (26). P. 613—628.
- Podlesskaya, Korotaev 2009 — *V. I. Podlesskaya, N. A. Korotaev*. Rechevye sboi i zatrudneniya {Speech failures and difficulties}. In: Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa {Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse}. Moscow, 2009. P. 177—218.
- Reinhart 1982 — *T. Reinhart*. Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topic. In: Philosophica. 1982. Vol. 27. P. 53—94.
- Repp 2010 — *S. Repp*. Defining 'contrast' as an information-structural notion in grammar. In: Lingua. 2010. Vol. 120 (6). P. 1333—1345.
- Rooth 1985 — *M. Rooth*. Association with focus. PhD thesis. Amherst. 1985.
- Sasse 1995 — *H.-J. Sasse*. "Theticity" and VS order: a case study. In: STUF — Language Typology and Universals. 1995. Vol. 48 (1—2). P. 3—31.

- Savatkova 2002 — *A. A. Savatkova*. Gornoe narechie mariiskogo yazyka {Hill dialect of Mari}. Savariae, 2002.
- Savatkova 2008 — *A. A. Savatkova*. Slovar' gornomariiskogo yazyka {Hill Mari dictionary}. Yoshkar-Ola, 2008.
- Schroeder 1999 — *Ch. Schroeder*. The Turkish Nominal phrase in Spoken Discourse. Wiesbaden, 1999.
- Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangel'skiy 2019 — *N. Serdobolskaya, M. Usacheva, T. Arkhangel'skiy*. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. In: Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia / Eds. *L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli*. Amsterdam; Philadelphia, 2019. P. 291—311.
- Serdobolskaya, Toldova 2012 — *N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova*. Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh {Differential object marking in Finno-Ugric languages}. In: Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody {Finno-Ugric languages: Fragments of a grammatical description. Formal and functional approaches}. Moscow, 2012. P. 59—142.
- Serebrennikov 1963 — *B. A. Serebrennikov*. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov {Historical morphology of Permic languages}. Moscow, 1963.
- Simonenko 2014 — *A. Simonenko*. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. In: Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society / Eds. *H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling*. Amherst, 2014. P. 127—140.
- Tauli 1966 — *V. Tauli*. Structural tendencies in Uralic languages. London; The Hague; Paris, 1966.
- Testelets 2001 — *Ya. G. Testelets*. Vvedenie v obshchii sintaksis {Introduction to general syntax}. Moscow, 2001.
- Tuzharov 1987 — *G. M. Tuzharov*. Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom yazyke {Nominal grammatical categories in Mari}. Yoshkar-Ola, 1987.
- Uryson 2011 — *E. V. Uryson*. Opyt opisaniya semantiki soyuzov: Dannye yazyka o deyatelnosti soznaniya {Experience in describing of the semantics of conjunctions: Language data on the activity of consciousness}. Moscow, 2011.
- Vallduví 1992 — *E. Vallduví*. The informational component. New York, 1992.
- Yanko 1994 — *T. E. Yanko*. Kognitivnye strategii v rechi: kommunikativnaya struktura russkikh introduktivnykh predlozhenii {Cognitive strategies in speech: the communicative structure of Russian introductory sentences}. In: Voprosy jazykoznanija. 1994, 6. P. 37—59.
- Yanko 2008 — *T. E. Yanko*. Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte {Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect}. Moscow, 2008.